

Научная статья. Политические науки
УДК 339.98
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-158-176>

«НЕФТЯНОЕ ОРУЖИЕ» АРАБСКИХ СТРАН В 1973 Г.: ИТОГИ СПУСТЯ ПОЛВЕКА

Александр Иванович Яковлев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
aliv_yak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>

Аннотация. В статье рассматривается опыт использования нефтедобывающими странами (в основном арабскими) «нефтяного оружия» в 1973 г. Спустя полвека понятно, что последствия решительных действий стран-нефтепроизводителей привели не только к повышению ими цен на нефть и закреплению их решающей роли в мировом нефтяном хозяйстве.

Победа стран-нефтепроизводителей в противоборстве с западными государствами и западными нефтяными корпорациями способствовала обретению странами Востока больше степени самостоятельности в мировой политике и мировом хозяйстве. Произошла реструктуризация региональной системы международных отношений. В то же время эти события активизировали углубление и усложнение связей стран Востока с западной экономикой, а также расширение сотрудничества западных государств с арабскими странами и другими странами Востока.

Ключевые слова: нефть, нефтяная политика, нефтяное эмбарго, Ближневосточный кризис, нефтедобывающие страны

Для цитирования: Яковлев А. И. «Нефтяное оружие» арабских стран в 1973 г.: итоги спустя полвека. *Восточная аналитика*. 2024;15(3):158-176. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-158-176>

Original article. Politics studies

"OIL WEAPONS" OF ARAB COUNTRIES IN 1973: RESULTS AFTER HALF A CENTURY

Alexander Yakovlev

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia,
aliv_yak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-1321>

Abstract. The article discusses the experience of oil-producing countries (mainly Arab countries) using "oil weapons" in 1973. Half a century later, it is clear that the consequences of the decisive actions of oil-producing countries have not only led them to raise oil prices and consolidate their decisive role in the global oil economy. The victory of oil-producing countries in the confrontation with Western states and Western oil corporations contributed to the acquisition by Eastern countries of a greater degree of independence in world politics and the world economy. The regional system of international relations has been restructured. At the same time, these developments intensified the deepening and complication of relations between Eastern countries and Western economies, as well as the expansion of cooperation between Western states and Arab and other Eastern countries.

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Keywords: oil, oil policy, oil embargo, Middle East crisis, oil producing countries

For citation: Yakovlev A. I. "Oil weapons" of Arab Countries in 1973: Results after Half a Century. *Eastern Analytics*. 2024;15(3):158-176. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-03-158-176>

К событиям полувековой давности имеет смысл обратиться потому, что последствия грянувшего в 1973 г. нефтяного эмбарго действительно имели эпохальное значение. Нефтедобывающие страны Ближнего Востока смогли успешно использовать свое положение ведущих нефтепроизводителей для оказания политического давления на страны, поддерживающие Израиль, с целью ускорения решения Палестинской проблемы, а также для решения финансовых проблем своего социально-экономического развития.

Уже за первыми попытками использования «нефтяного оружия» арабскими странами было видно геополитическое противостояние двух мировых политических блоков во главе с СССР и США. Нефть превратилась в реальный и серьезный фактор международной и политической жизни. Поэтому последствия нефтяного кризиса 1973 г. не исчерпываются опытом использования арабскими странами «нефтяного оружия» и превращением стран ОПЕК в реальных субъектов мирового хозяйства и мировой политики. Названные процессы укрепляли соперничество СССР и США в мировой политике, а в сфере экономики к концу XX в. положили начало глобальному энергетическому переходу, Технологической революции и возникновению начал постиндустриального мира.

Такое представление о названных процессах выражали в свои исследованиях Е. М. Примаков, Д. Ергин, Дж. Макфарланд, О. Скороходова и другие специалисты по геополитической и энергетической проблематике. В литературе утвердилось несколько подходов к объяснению причин нефтяного кризиса: преимущественно политическое и преимущественно экономическое, а также сочетающее в разной мере оба этих начала.

Важно подчеркнуть, что нефть в начале 1970-х гг. стала непосредственным поводом для мирового кризиса в силу своей природы – в то время жизненно важным источником энергии, западные нефтяные монополии в то время были одними из самых могущественных в мире, для расчетов нефтяных операций использовался американский доллар, главная мировая валюта, а контроль над мировым нефтяным рынком виделся в то время одним из столпов американской гегемонии в мире. США, переживавшие экономический спад, стремились использовать все средства для сохранения своего лидерства, включая, как оказалось,

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

и арабское «нефтяное оружие». Все оказалось завязанным в один «нефтяной узел».

Используемое понятие *нефтяной кризис* – резкие и масштабные изменения на мировом нефтяном рынке в объемах добычи и экспорта нефти, в определении цен на нефть и доступ потребителей к желаемым объемам нефти и нефтепродуктов. Частью нефтяного кризиса является *нефтяное эмбарго* – наложение государством запрета на поставки нефти и нефтепродуктов.

Использование эмбарго как «нефтяного оружия» было не первым открытым противостоянием арабских стран и Запада в связи с Ближневосточным конфликтом, но осенью 1973 г. в первый и в последний раз оно обрело глобальный характер. Оно привело к повышению самостоятельной роли стран региона в мировых делах, а также вызвало существенные изменения в региональной системе международных отношений.

Опыт открытого вызова арабских стран-экспортеров нефти в отношении Запада показал также возможность возникновения такого типа структурных мирохозяйственных или мирополитических кризисов в будущем, с постепенно назревающим сочетанием причин и случайно подвернувшимся поводом, с активными субъектами и заинтересованными наблюдателями. В наши дни таким видится начало формирования нового мирового порядка, идущее в последние несколько лет нашего XXI в. И опыт того кризиса пятидесятилетней давности помогает прояснить возможные истоки и последствия происходящих на наших глазах процессов.

В данной статье рассматриваются предпосылки и последствия использования «нефтяного оружия» осенью 1973 г. для арабских стран – нефтепроизводителей и трансформации региональной системы международных отношений, для изменения норм взаимоотношений стран Востока и Запада.

Политические и экономические предпосылки нефтяного эмбарго до 1973 г.

Конфликт между нефтедобывающими странами и странами Запада был вызван причинами экономическими и политическими.

Потребности социально-экономического развития, причем развития ускоренного для преодоления разрыва в уровнях развития, побуждало власти к поискам увеличения доходов. Идея национализации нефтяной промышленности, казавшаяся чрезмерно смелой и революционной в 1950-е гг., когда о ней заговорили министры нефти Венесуэлы и Саудовской Аравии, спустя два десятилетия выдвинулась вполне достижимой.

«Заморозка» Ближневосточного конфликта в условиях высокой идеологизированности Ближнего Востока тех лет и силы идеологии арабского национализма, в свою очередь, побуждала арабские власти найти рычаг давления на Запад для изменения его отношения к региональному урегулированию Ближневосточного конфликта и признанию прав палестинского народа. Надо было выйти из создавшегося переговорного тупика. О «нефтяном оружии» в арабском мире вспоминали и ранее, в 1956 г. и 1967 г., но тогда по разным причинам его масштабное и эффективное использование оказалось невозможным.

26 июля 1956 г. был национализирован Суэцкий канал. Во время последовавшей в ноябре тройственной агрессии против Египта в 1956 г. арабские патриоты взорвали нефтепроводы, доставлявшие нефть Саудовской Аравии и Ирака в порты Ливана и Сирии, в Кувейте было выведено из строя нефтяное оборудование. Саудовская Аравия объявила эмбарго на поставки нефти в Великобританию и Францию. Всё это в условиях выведенного из строя Суэцкого канала привело к немалым затруднениям на нефтяном рынке западноевропейских стран. Возник «нефтяной голод», однако не переросший в нечто большее, чем финансовые затруднения и недовольство рядовых потребителей.

Между тем реальная угроза нефтяного эмбарго возникла из-за готовности Д. Эйзенхауэра объявить нефтяные санкции против Великобритании и Франции, чтобы заставить их не только прекратить огонь на линии соприкосновения, но и вывести свои войска с египетской территории. Поддержка Вашингтоном политики Насера, парадоксально совпадавшая с политикой Москвы, объяснялась не симпатией к молодому египетскому политику, а рациональным желанием окончательно вытеснить устаревшую Британскую империю с Ближнего Востока. Этот регион приобретал всё большую геополитическую важность для США. Конечно, Лондон и Париж были вынуждены в конце ноября вывести свои войска.

Показательно, что в опубликованных спустя десятилетия прогнозах ЦРУ от 31 июля 1956 г. высказывались серьезные опасения: «В случае успеха игры Насера с Суэцким каналом искушение использовать контроль над жизненно важным водным путем в качестве политического оружия станет непреодолимым... Самой важной и уязвимой целью будут западные нефтяные концессии» (цит. по: [Колпакиди, 2024, с. 108]). Однако этого не случилось, и успокоенность западных политиков надолго укрепила их убежденность в невозможности использования самими арабами «нефтяного оружия».

Подкрепляли эту уверенность и тесные связи Вашингтона с эр-Риядом, созданные во время исторической встречи президента Ф. Рузвельта

и короля Абдель Азиза в феврале 1945 г. в Египте. Значение имело и то, в частности, что влиятельный директор ЦРУ А. Даллес симпатизировал Насеру, откровенному антикоммунисту. Блоковое геополитическое мышление проявлялось и в региональной политике.

В сентябре 1956 г. в Саудовскую столицу прибыл американский нефтепромышленник Р. Андерсон в качестве личного эмиссара президента США. Д. Эйзенхауэр надеялся сохранить американские позиции среди ведущих арабских производителей нефти, полагая возможным превращение короля Сауда в главную фигуру ближневосточного региона в качестве альтернативы Насеру. Целью поездки было убедить саудовцев оказать давление на Насера, чтобы склонить его к компромиссу в Суэцком конфликте с Западом. Но в то время и сам Насер не был готов на разрыв с Западом, он надеялся на США, на их исторически антиколониальный подход со времен В. Вильсона и разногласия с Великобританией. Показательно, что именно по совету резидента ЦРУ М. Коупленда Насер объявил в 1956 г. о получении советского оружия «из Чехословакии», давая понять, что не намеревается переводить Египет на «советскую орбиту» [Колпакиди, 2024, с. 102; Ергин, 1999, с. 522]. Лишь последовавшая позднее решительная поддержка Израиля со стороны США изменила балансирование Насера между двумя мировыми блоками в пользу СССР.

Таким образом, политический фактор оказался главным в разрешении Суэцкого кризиса, хотя угроза «нефтяного оружия» присутствовала. Причинами слабой эффективности арабского «нефтяного оружия» в то время были слабость влияния, политического и экономического потенциалов арабских стран. Суэцкий кризис был купирован и относительно быстро разрешен, Великобритания, Франция и Израиль были вынуждены отступить. Кроме того, могущественный западный нефтяной картель («семь сестер») располагал большими запасами нефти и смог оперативно восстановить поставки на рынки стран Западной Европы, а в апреле 1957 г. возобновилось движение нефтяных танкеров по Суэцкому каналу.

В ходе войны 1967 г. «нефтяное оружие» попытался использовать Ирак, прекративший поставки нефти и разорвавший также дипломатические отношения с США и Великобританией, а также пославший свои воинские подразделения на иорданский фронт. В Багдаде был объявлен полный нефтяной бойкот Западу и призыв к тому же шагу всех арабских производителей нефти [Степанова, 2016, с. 398].

Однако эта попытка использования «нефтяного оружия» оказалась еще менее эффективной, чем первая. Большинство арабских стран, включая нефтяные монархии Залива, бывшие основными поставщиками нефти, отказались присоединиться к «нефтяному бойкоту». Правите-

лям Саудовской Аравии в то время требовалась поддержка США в конфликте с республиканским Йеменом, а правители Кувейта были готовы оказать странам-участникам конфликта лишь финансовую помощь. Аравийские монархи принимали также в расчет сохраняющуюся силу нефтяного картеля, имевшего немалые резервы нефти, способные покрыть возникший дефицит в условиях летнего спада спроса на нефтяном рынке. На совещании глав арабских государств в Хартуме в августе 1967 г. было решено отказаться от нефтяного бойкота [Энергетический кризис..., 1975, с. 209].

Тем не менее сама идея использования арабской нефти как оружия борьбы не уходила из внимания арабских стран. В феврале 1970 г. на совещании в Каире глав государств АРЕ, Сирии, Ирака, Иордании и Судана было заявлено, что «арабская нация не желает видеть, как эксплуатируются ее богатства и ресурсы в интересах оказания помощи Израилю и предоставления ему оружия. Продолжение этой эксплуатации является империалистическим актом и требует от арабской нации усилий, с тем, чтобы положить этому конец» [Энергетический кризис..., 1975, с. 209]. Возможно, что ответом на этот призыв в мае 1970 г. стала диверсия в Сирии на нефтепроводе из Саудовской Аравии.

Показательно отсутствие на февральском совещании ведущих арабских стран-нефтепроизводителей, прежде всего, нефтяных монархий Залива. Они демонстрировали преимущественно политическую солидарность и оказывали щедрую финансовую помощь братским арабским странам – участницам конфликта, включая и Палестинское движение. Лишь после возникновения экономических и финансовых возможностей для ускорения своего социально-экономического развития монархи Аравии решились на открытый конфликт с нефтяными монополиями и западными странами, стоящими за «семью сестрами». Иначе говоря, использование ими «нефтяного оружия» обуславливалось не только высокими национальными и политическими целями, но и конкретной экономической выгодой.

Изменения в мире и на Ближнем Востоке к началу 1970-х гг.

К началу 1970-х гг. арабские страны окрепли в экономическом и социально-политическом плане, и часть их в большей или меньшей мере полагались на поддержку, а некоторые – и на прямую помощь СССР в военной сфере, в сферах экономики и политики.

В то же время в западной экономике возникли кризисные явления, создававшие объективные условия для радикальных перемен положения в мировом нефтяном хозяйстве. Уже в начале 1960-х гг. ситуация на мировом нефтяном рынке заметно изменилась по сравнению с пре-

дыдущим десятилетием и в отношении стран-импортеров, и в отношении экспортеров нефти, западных компаний и нефтедобывающих стран. Быстро росло потребление нефти, увеличившись в странах Западной Европы в 15 раз – с 0,97 млн барр./сут. в 1949 г. до 14,1 млн в 1972 г., а в Японии в 100 раз – с 0,032 млн барр./сут. до 4,4 млн [Ергин, 1999, с. 569].

На мировой рынок вышел СССР, после начала добычи на месторождениях в Западной Сибири готовый к поставкам больших объемов нефти по более низким ценам, чем западные компании; экспорт нефти и нефтепродуктов вырос в 4 раза – с 30 млн т в 1960 г. до 130 млн т в 1975 г. [БСЭ, т. 24-II, 1977, с. 254]. США, до 1974 г. крупнейший в мире производитель нефти, наращивали добычу в стране: в 1963 г. – 8,6 млн барр./сут., в 1973 г. – 10,9 млн барр./сут.

Помимо этого, еще в марте 1959 г. США ввели обязательные квоты на нефтяной импорт. Европа пыталась стать самостоятельной в нефтяных делах: глава итальянской компании ЭНИ Э. Маттеи добивался обеспечения Италии собственными нефтяными поставками из Ирана и СССР, чтобы не зависеть от «англосаксонских компаний». На Ближнем Востоке появлялись новые добывающие компании: в 1946 г. их было 9, в 1956 г. – 19, в 1971 г. – 81 [Ергин, 1999, с. 558]. К концу 1960-х гг. были открыты колоссальные месторождения нефти в Ливии, и темпы роста ее добычи сравнялись с уровнем Саудовской Аравии: 16,7% и 16,3%. С саудовским королевством соперничал шахский Иран, отставая по уровню добычи, но также наращивая ее в среднем за год на 14,9% [Тьюгенхет, Гамильтон, 1978, с. 468]. Власти стран региона раздавали все новые концессии и требовали от западных компаний-операторов увеличения уровня добычи ради возрастания доходов государства, необходимых для модернизации.

Это привело к тому, что объем добываемой нефти стал больше, чем объем потребностей нефтяных рынков. Нефтяные компании, чья доходность снижалась, стали увеличивать скидки с предлагаемой на мировых рынках нефти, и это привело к разрыву между рыночной ценой и той официальной ценой, которая была зафиксирована в договорах арабских стран и западных компаний-операторов, ставшей фиктивной, и ее было почти невозможно снизить. Это привело к тому, что страны-производители получали не оговоренные 50% прибыли, а 60% или даже 70%, а доходы западных нефтяных монополий сокращались.

Сложившиеся обстоятельства привели сначала «Бритиш Петролеум» в 1959 г. к понижению цен на 10% (на 18 центов за барр.), а в августе 1960 г. – «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» заявила о снижении цены ближневосточной нефти на 7% (на 14 центов за барр.). Одностороннее снижение цен возмутило арабские нефтедобывающие страны. В ответ

по инициативе саудовского министра нефти Абдаллы Тарики в сентябре 1960 г. была создана ОПЕК.

Страны ОПЕК думали, что создали свой международный картель, регулирующий распределение рынков сбыта и уровень цен, равномогущий «Бритиш Петролеум» и другим. Но это была иллюзия. Иначе говоря, заявка на независимость еще не означает реальной независимости. В то время огромный потенциал ОПЕК страны-основатели только сознавали, но еще не могли использовать.

Им противостоял возникший в 1930-е гг. могущественнейший нефтяной картель «семь сестер». В 1972 г. в число 20 крупнейших в мире ТНК входили 9 нефтяных монополий, включая 5 американских «нефтяных слонов». Например, в 1972 г. на долю «Эксон корпорейшн» приходилось 16% мировой добычи нефти и 15% нефтепереработки нефти, компания владела 70 нефтеперерабатывающими и 64 нефтехимическими предприятиями, трубопроводами и танкерным флотом, имела сеть своих бензоколонок во всех западных странах. Стоит отметить, что собственниками «Бритиш Петролеум» и «Франсез де петроль» отчасти было государство, а американские компании обладали сильными рычагами влияния на американскую администрацию. Кроме того, уже в то время эти компании обретали мощь финансовых институтов. Преобладающей формой их экспансии становился экспорт капитала. Мощь оппонентов ОПЕК виделась несокрушимой.

Между тем, сами руководители АРАМКО, «Галф Ойл», «Бритиш Петролеум» и других западных компаний уже чувствовали тревогу за будущее своих концессий. Эта тревога усиливалась тем, что в США американские нефтяные компании, действующие в стране, пробивали принятие государством ограничений для импортной нефти. И администрации Д. Эйзенхауэра и Д. Кеннеди в 1960-е гг. были вынуждены вводить ограничения на нефтяной импорт с Ближнего Востока, в то же время стремясь удержать регион в сфере своего влияния. Американская политика в регионе раздвоилась, пытаясь сочетать учет интересов различных групп нефтяных монополий с интересами американского государства.

Изменения на мировом нефтяном рынке

Что именно нарушило в 1970–71 гг. существовавшее равновесие на мировом нефтяном рынке и подняло его значение до глобального уровня, трудно сказать однозначно. Совпали разного рода субъективные и объективные обстоятельства. Спустя полвека видно сцепление массы разных фактов и их общее кумулятивное воздействие на дела в регионе в начале 1970-х гг.

Сирия неожиданно стала препятствовать восстановлению поврежденного трубопровода «Таплайн». Новые власти Сирии после военного переворота 13 ноября 1970 г. (по официальной идеологии «исправительного движения») для расширения своей социальной опоры нуждались в увеличении финансовых поступлений, одним из источников которых были платежи от нефтепроводов «Таплайн» из Аравии и ИПК из Ирака. Революционный режим Муаммара Каддафи предложил «Оксидентл Петролеум» сократить добычу нефти, доходы от которой не было возможности рационально использовать в стране с небольшим населением и слабой экономикой. Власти Алжира выдвинули новые требования к западным нефтяным компаниям. Попытки западных компаний компенсировать возникший дефицит нефти поставками из Персидского залива оказались невозможными из-за нехватки танкеров большого тоннажа.

Вследствие этого страны Западной Европы оказались перед угрозой нехватки ежедневно 50 тыс. барр. нефти (что эквивалентно 25 млн т в год). Между тем, спрос на нефтепродукты зимой 1970–71 гг. оказался намного выше, чем в предыдущие годы: в Западной Европе он вырос на 13,3%, в Японии – на 20% [Шевалье, 1975, с. 53, 59]. Дефицит объемов нефти и тоннажа для ее перевозки способствовали подъему нефтяных цен. И оказалось, что основные импортеры нефти, включая США, готовы платить очень высокую цену за нефть, в которой они так нуждались. Так «рынок покупателей» превратился в «рынок продавцов».

16 февраля 1971 г. было подписано Тегеранское соглашение, по которому минимальная ставка налогообложения устанавливалась в 55%, вводились единые справочные цены с их ежегодным увеличением для компенсации инфляции, а цена за 1 барр. нефти выросла на 33 цента, фиксировалась отмена всех скидок нефтяным компаниям. 2 апреля 1971 г. было подписано соглашение в Триполи, в некоторых пунктах более выгодное для стран производителей [Шевалье, 1975, с. 73–75].

Но успех оказался кратковременным. В августе 1971 г. президент США Р. Никсон объявил о переходе к новой экономической политике борьбы с рецессией и стагфляцией ради предотвращения спада промышленного производства и подавления инфляции. 15 августа 1971 г. Р. Никсон принял решение о приостановке конвертации долларов в золото, по сути – о девальвации доллара.

Антикризисные меры американской администрации отозвались на Ближнем Востоке. Отмена золотого стандарта доллара сразу обрушила только-только выросшие доходы стран-производителей нефти, поскольку справочные цены были привязаны к доллару. Арабы вновь ощутили свое бессилие перед лицом Запада.

В сентябре 1971 г. на XXV конференции ОПЕК в Бейруте была выражена общая позиция: вернуться к переговорам с нефтяными компаниями по вопросу компенсации потерь от ослабевшего доллара. Согласие было достигнуто в Женевском соглашении от 20 января 1972 г.

Более важной в долгосрочном плане оказалась вторая резолюция (№ 139) Женевского соглашения, в которой утверждалось право стран – членов ОПЕК добиваться эффективного (прямого) *участия в нефтяных концессиях*. Это провозглашение *принципа участия* стало первым шагом к переходу нефтяной промышленности арабских стран в собственность государства, альтернативным революционной национализации западной собственности.

Стоит заметить, что Ямани еще в 1968 г. в лекции, прочитанной в Американском университете в Бейруте, впервые заговорил об *участии*. В то время это вызвало резко негативную реакцию руководителей АРАМКО. Но к 1972 г. волна национализации западных нефтяных предприятий прошла в Ливии, Алжире, Венесуэле, Индонезии, Ираке и Сирии. Фейсал, стоявший за спиной Ямани, играл не «блиц», а долгосрочную партию. Ему не были нужны нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие мощности без специалистов и рабочих, без возможности реализовывать продукцию на внешних рынках. Он был заинтересован в стабильном поступлении финансовых средств для осуществления планов модернизации страны, и неотъемлемой частью эти перемены он видел переход нефтяного сектора в собственность государства. И руководители АРАМКО в середине 1972 г. согласились с *принципом участия*.

Ведь в долгосрочном плане это означало сохранение позиций компаний АРАМКО в королевстве, хотя и на иных условиях. Так же очевидно было, что возраставшие доходы королевства будут потрачены на импорт столь необходимых товаров из стран Запада, прежде всего и более всего из США. Таким образом США улучшат свой платежный баланс, возмещая свои потери в виде нефтяных платежей и сокращая массу «плавающего капитала», опасного для западного финансового рынка. Тем самым вслед за нефтяным «полем взаимодействия» возникало второе «поле» финансового взаимодействия между США и Саудовской Аравией, также легшее в основу «особых отношений» двух стран. В то же 1972 г. подобные соглашения об участии были заключены с Кувейтом, Катаром и Абу-Даби. Их фактический статус в мировой системе повысился.

Но возникает вопрос: неужели могущественные нефтяные и промышленные корпорации и финансовые центры Запада во главе с США так беспомощно и покорно подчинились волне арабского национализма? Почему они пошли на уступки? Почему не использовали про-

веренную силовую «дипломатию канонерок»? Тут однозначного ответа быть не может. Перемены происходили и в жизни западных стран.

18 февраля 1970 г. президент США Р. Никсон в своем первом докладе по вопросам внешней политики, в частности, сказал: «Нашей целью в первую очередь является подкрепление наших интересов в долгосрочном плане при помощи здоровой внешней политики. Чем больше эта политика опирается на реалистическую оценку наших и чужих интересов, тем более эффективной может быть наша роль в мире. Мы не связаны с миром потому, что у нас есть обязательства; у нас есть обязательства именно потому, что мы связаны с миром. Скорее наши интересы должны формировать наши обязательства, чем наоборот» [Киссинджер, 2018, с. 700]. Такая *Realpolitik* включала в себя среди прочего и принятие в расчет чужих интересов, в нашем случае – интересов Саудовской Аравии и нефтедобывающих стран. Сейчас просто делать такие выводы, но тогда это новое понимание возникающего соотношения сил в мире и необходимость считаться с интересами отсталой «периферии» мирового хозяйства утверждалась с трудом. Собственно, колебания самого Р. Никсона в период Октябрьской войны и нефтяного кризиса 1973 г. и свидетельствуют об этом.

Тем не менее, перемены в характере отношений Запада со своей «периферией» не меняли сути неравноправных отношений в системе «центр – периферия».

Война 1973 г. и ее экономические последствия

В том же мае 1973 г. на специальном заседании Экономического совета ЛАГ позиция королевства по вопросу нефтяного эмбарго была подвергнута критике. В мае 1973 г. король Фейсал в Каире в ходе беседы с А. Садатом выслушал упреки египетского президента за «недостаточную помощь общеарабскому делу».

Положение Фейсала как Служителя двух святых мест ислама и одновременно «лучшего друга США на Ближнем Востоке» оказалось крайне затруднительно. Он был поставлен перед жестким выбором между верностью общеарабскому делу и дружбе с Западом. Фейсал выбрал первое, но не изменил и второму.

В конце мая 1973 г. в окрестностях Женевы состоялась закрытая встреча Фейсала с руководителями АРАМКО. Король подчеркнул, что выступает за расширение связей с США, что Саудовская Аравия, уважая интересы Запада, добывает нефти много больше, чем необходимо для удовлетворения ее финансовых потребностей. Но Саудовская Аравия, заявил он, в настоящее время находится в опасности оказаться в изоляции в арабском мире из-за нежелания правительства США оказать ей

помощь. Он, Фейсал, не допустит этого. «Вы же можете потерять всё», – сказал король, обращаясь к руководству американской компании [Васильев, 2010, с. 396–403]. За словами Фейсала последовали публичные заявления министров Омара Саккафа и Ахмеда Заки Ямани о возможном использовании Саудовской Аравией нефти как политического оружия.

В мае 1973 г. прошли переговоры руководства АРАМКО с высшими сановниками королевства эмиром Наввафом ибн Абдель Азизом, Ахмедом Заки Ямани, Омаром Саккафом, Рапидом Фараоном и Камалем Адхамом. В ходе встреч саудовская сторона подчеркивала, что королевство в настоящее время является единственным защитником американских интересов в регионе, которые, по их словам, подрываются «сионизмом вместе с коммунистами». Если американцы действительно друзья арабов, они «должны что-нибудь сделать для изменения позиции правительства США» [Яковлев, 1982, с. 100].

Приведенная хроника событий в мае 1973 г. важна потому, что показывает в подробностях сам процесс перехода двусторонних отношений на новую основу. Очевидно понимание руководителями западных нефтяных монополий реальных попыток Фейсала избежать или смягчить нефтяной кризис. В то же время очевидно прагматичное решение западной стороны пойти на то, чтобы пережить кризис, тяжесть которого падет преимущественно на развивающиеся страны и в меньшей степени на страны Западной Европы, а конечный итог которого будет выгоден США в финансовом и геополитическом плане.

23 августа 1973 г. прошел секретный визит А. Садата в Джидду, во время которого Фейсал обещал, что Саудовская Аравия в случае необходимости использует «нефтяное оружие» и увеличит финансовую помощь Египту [Валькова, 1979, с. 83].

Декларация арабских стран о намерении использовать «нефтяное оружие» вызвала 6 сентября 1973 г. лишь предостережение президента США о недопустимости дальнейшего повышения справочных цен на нефть и национализации собственности иностранных компаний под угрозой лишения этих стран западных рынков сбыта нефти и нефтепродуктов.

АРАМКО начала готовиться к неизбежному. 13 сентября 1973 г. руководители четырех компаний АРАМКО получили меморандум, в котором анализировались варианты возможного нефтяного эмбарго.

6 октября 1973 г. началась четвертая арабо-израильская война.

17 октября на совещании стран ОПЕК в Кувейте было решено сократить уровень добычи сразу на 5% и ежемесячно сокращать еще на 5% вплоть до окончательного урегулирования отношений с Израилем на основе резолюции ГА ООН № 242. Одновременно с этим страны Залива

приняли решение отказаться от Тегеранских соглашений и ввести в одностороннем порядке новые уровни цен, основанные на «рыночных ценах», начав с повышения справочных цен на 70–100% в зависимости от качества нефти (содержания серы).

19 октября, узнав о распоряжении президента Р. Никсона предоставить Израилю военную помощь на сумму 2,2 млрд долл., король Фейсал принял решение о прекращении всех поставок нефти в США и сокращения добычи нефти в стране на 10%, следуя решению совещания ОПЕК в Кувейте 17 октября [Васильев, 2010, с. 417–426].

Американский автор Э. Уолд, описывая события тех дней, констатировала, что «внутри АРАМКО не было конфликта: американцы и саудовцы находились по одну сторону баррикад... АРАМКО принадлежало все: скважины, трубопроводы, нефтеперерабатывающие мощности, корабли – и она контролировала всю логистику. Саудовская Аравия владела только 25% акций» [Уолд, 2019, с. 178].

В Европе возникла паника. «Попытки добиться соглашений о дележе между потребителями через Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) или Организацию европейского экономического развития (ОЕЭР) провалились из-за опасения потребителей, что любые совместные действия с их стороны вызовут лишь еще более крайние меры со стороны арабов», – писали английские авторы К. Тьюгендхет и А. Гамильтон [Тьюгендхет, Гамильтон, 1978, с. 279]. Отдельные страны принимали отдельные меры по ограничению спроса на нефтепродукты на внутреннем рынке, вводили нормирование или запрещение использования автотранспорта по воскресеньям.

На нефтяных рынках Западной Европы началось возрастание нефтяных цен по спирали. Страны-производители провели ряд аукционов для продажи отдельных партий нефти, и там были достигнуты поразительные результаты: предлагаемые цены в несколько раз превышали уровень справочных цен ОПЕК.

В политическом плане Европа могла мало что сделать, однако «повернулась лицом к палестинцам». Открылись возможности для европейско-арабского диалога. Сразу после введения эмбарго правительство Японии послало в Саудовскую Аравию заместителя премьер-министра Т. Мики и министра торговли и промышленности Т. Комото для переговоров об экономическом сотрудничестве [Яковлев, 1982, с. 113].

По заключению О. Скороходовой, «двойной залп «нефтяной атаки» – наложение эмбарго и четырехкратное повышение цен на «черное золото» – ввергли мировую экономику в небывалый со времен Великой депрессии кризис, преодоление которого, по сути дела, продолжалось всё десятилетие» [Скороходова, 2021, с. 50].

То есть нефтяное эмбарго и повышение цен на нефть на 70% были порождены не только политическими причинами, но прежде всего – быстрой инфляцией и девальвацией доллара. Однако действия ОПЕК наложились на перегрев западной экономики, рост зарплат в странах Европы, дефицит бюджета и торгового баланса США, растущее недоверие к американскому доллару и ненадежность доллара, что резко увеличило объем денежной массы в мире [Гринин, 2010, с. 173–174]. В США и западноевропейских странах усилились процессы спада в промышленном производстве (особенно в сталелитейной промышленности и в автомобилестроении) и роста безработицы, сочетавшиеся с высоким уровнем инфляции.

Последствия нефтяного эмбарго

К началу декабря 1973 г. страны-производители стали смягчать свою позицию по сокращению поставок нефти. В отношении нескольких стран эмбарго было отменено. В марте 1974 г. на встрече в Кувейте министры нефти Сирии и Ливии выступили за продолжение эмбарго. Но Фейсал смог продавить прекращение эмбарго для Европы, а в апреле 1974 г. – и в отношении США [McFarland, 2020, p. 149].

В свою очередь, руководители АРАМКО решали собственные задачи, используя сложившуюся ситуацию. На слушаниях в сенате США в январе-феврале 1974 г. руководители АРАМКО признали, что после повышения справочных цен прибыли компании увеличились на 350% по сравнению с 1969 г.

В декабре 1973 г. на конференции ОПЕК в Тегеране комиссия ОПЕК предлагала установить цену в 23 долл. за баррель, Саудовская Аравия – 8 долл., а шах неожиданно потребовал цену в 11,65 долл. Спустя четверть века Ямани по просьбе короля Фейсала поинтересовался у шаха, почему Иран потребовал такого повышения цены. На это Мохаммед Реза ответил: «Для ответа на ваш вопрос я предлагаю вам поехать в Вашингтон и спросить у Генри Киссинджера» [Энгдаль, 2014, с. 180].

К январю 1974 г. повышение цены нефти на 400% стало свершившимся фактом, что в частности, поставило многие развивающиеся страны – импортеры нефти перед проблемой огромного дефицита бюджета. Займы был готов предоставить МВФ.

В феврале 1975 г. было официально одобрено разработанное американским казначейством и САМА (Саудовским Валютным Агентством, выполняющим функции центрального банка) двустороннее секретное соглашение, по условиям которого саудовские сверхдоходы от продажи нефти должны были «быть в значительной степени инвестированы в погашение дефицита» в бюджете правительства США. Показательно,

что советником по инвестициям» в САМА был поставлен банкир Д. Малфорд из лондонского банка [Энгдаль, 2014, с. 166].

В июне 1974 г. президент Р. Никсон посетил Саудовскую Аравию и констатировал, что американо-саудовская дружба «сейчас развивается в активное партнерство». Позднее Г. Киссинджер так раскрыл прозвучавший тезис о партнерстве: «Мы естественные партнеры, а не противники. Страны-потребители должны иметь надежный доступ к поставкам нефти по умеренным ценам. Для того, чтобы инвестировать свои новые богатства, обретенные благодаря нефти, нефтедобывающие страны должны стать активными участниками глобальной финансовой и экономической системы, чтобы обратить свои новые богатства в товары, они должны стать крупными импортерами нашей продукции. Мы готовы сотрудничать со странами Ближнего и Среднего Востока, связывая нашу экономику и их экономики на равных условиях» (цит. по: [Боронов, 1977, с. 111]).

Между тем, нефтяное эмбарго послужило важным ускорителем процессов технологических перемен (повышения эффективности использования углеводородов, переход к альтернативным и возобновляемым источникам энергии) для стран Запада, но ранее других – для Японии, особенно остро ощущавшей свою зависимость от внешних поставок энергетического сырья.

Итоги нефтяного кризиса для арабских стран и мира

То, что было воспринято как слабость Запада, его отступление перед угрозой нефтедобывающих стран Арабского Востока о прекращении поставок, на деле было многоходовой геополитической игрой, имело скрытые смыслы, открывшиеся позднее.

Для нефтяного хозяйства реальное отступление Запада в лице глобальных нефтяных монополий означало трансформацию этих монополий, переналадку отношений и структуры, превращение монополий из полновластных управляющих в послушных операторов, а также трансформацию самих нефтяных компаний в финансово-промышленные конгломераты. Таким образом, результатом событий 1973 г. стало не только переустройство отношений между производителями и потребителями нефти, но и внутреннее преобразование ТНК. Тем самым, выгоду от конфликта получили обе стороны.

Арабы смогли стать реальными хозяевами своей нефти при превращении западных компаний из собственников в операторов. Правда, зависимость от Запада сохранилась, но характер ее изменился.

В 1970-е гг. США не решились использовать военную силу в отношении арабских стран, хотя Г. Киссинджер допускал возможность раздела

Саудовской Аравии на четыре части, а американская 82-я дивизия отрабатывала операцию высадки десанта на песчаное побережье. Их сдерживала опасность краха мирового рынка.

Как бы то ни было, на Западе исчезла самодовольная успокоенность в постоянном наличии дешевой нефти, текущей с Ближнего Востока.

Следует отметить также возникшую новую тенденцию – «глобализацию спроса на энергию» (Ергин). С ростом экономики и доходов людей неуклонно возрастает спрос на энергию. Очевидность и важность энергетической безопасности в широком понимании открылась осенью 1973 г.

В то же время, заявленные политические цели не были достигнуты с помощью «нефтяного оружия».

Вместо комплексного и всестороннего ближневосточного урегулирования Египет вскоре пошел на заключение сепаратного мира с Израилем.

Вместо существовавшего относительного единства арабского мира он оказался расколот. Усилилась тенденция к регионализации и фрагментации бывшего единства, происходит отказ от иерархии и структуры региональной системы международных отношений. Вместо признанного лидерства Египта возникает соперничество лидеров Ирака, Сирии, Саудовской Аравии и Ливии. Выстраивание нового порядка и новой системы международных отношений в регионе и в субрегионах Северной Африки, Персидского залива и Средиземноморья продолжается до наших дней.

Нерешенность политических проблем, чем дальше, тем больше усугублялась растущей после нефтяного эмбарго 1973 г. социально-экономической поляризацией в арабском мире между странами, обладавшими нефтяными запасами, и странами, лишенными «дара Аллаха». Это усиливало внутреннюю конфликтность в региональной системе и ослабляло ее безопасность. Вспыхивавшие конфликтные ситуации между «бедными» и «богатыми» странами региона пытался использовать в своих целях С. Хусейн в начале 1990-х гг., захватив Кувейт под демагогическим лозунгом «доходы от нефти – достояние всех арабов».

Для лидера ОПЕК и ОАПЕК Саудовской Аравии, обретшей в мире новое значение и авторитет, тем не менее, одно оставалось неизменным: привязка к США благодаря нефти и нефтедолларам, но не только. Конечно, за последние два десятилетия между странами возникало немало конфликтов в сферах политики (например, события 11 сентября 2001 г., убийство журналиста Джамала Хашогги) и экономики (превращение США в конкурента Саудовской Аравии благодаря сланцевой нефти).

Между тем, две страны связывают давние и прочные отношения в финансовой и военно-технической сферах. По разным оценкам

сотни миллиардов саудовских нефтедолларов вложены в финансовую систему США и различные объекты недвижимости, в промышленную сферу. Например, самый большой нефтеперерабатывающий завод в США принадлежит Сауди Арамко, а меньшие саудовские компании владеют немалым числом других промышленных предприятий. Практически все системы вооружений и военная инфраструктура в королевстве имеют происхождением США. И одновременно изменить это нельзя.

Однако опыт нефтяного кризиса 1973 г. как раз продемонстрировал высокую степень гибкости саудовской политики в отношении с Западом ради достижения своих целей и сохранения своего удобного положения в мировой системе. Проводимая наследным принцем Мухаммедом ибн Салманом политика в отношении США как раз опирается на те возможности, которые открылись осенью 1973 г., на опыт гибкого маневрирования короля Фейсала между верностью национальным интересам, требованиями арабского мира и зависимостью от США.

Можно сказать, что использование «нефтяного оружия» осенью 1973 г. оказалось разовой акцией в мировом масштабе. Однако «эмбарго ОПЕК продемонстрировало растущее влияние картеля на глобальную экономику» [Zulkifil, Naqeeem, 2022, p. 137] и – мировую политику, став своеобразной «репетицией» формирования более справедливого многополярного мира.

«Нефтяной шок» существенно изменил порядок и иерархию системы международных отношений в регионе Ближнего Востока. Усилились тенденции к ослаблению бывшего арабского единства, к регионализации субрегионов Северной Африки, Персидского залива, арабского Средиземноморья.

Но и бывшее единство западных стран распалось в условиях нефтяного кризиса: в 1970-е гг. Франция, Великобритания, Италия, Япония и другие страны усилили свое внимание к арабскому Востоку и палестинской проблеме, а также стали искать свои пути выхода из кризиса, помимо США. Кризис вынудил США проводить более сбалансированный курс не только на Ближнем Востоке, но и в отношениях с союзникам по НАТО.

В начале 1970-х гг. не только арабские страны, но и большинство стран неЗапада увидело перспективу создания нового мирового порядка, в большей мере отвечающего их устремлениям. В деятельности западного картеля ОПЕК они увидели пример создания собственных экономико-политических институтов для достижения собственных целей развития, такими стали в XXI в. БРИКС и ШОС, а также китайский проект, притягательный для стран не только Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, но и Юго-Западной Азии и Северной Африки.

Возникающий на наших глазах многополярный мир едва ли приобретет былую двухполюсную форму. Очевидны тенденции к формированию системы гибких и переменчивых ситуационных блоков, региональных и межрегиональных. Но в этих глобальных изменениях важную роль по-прежнему, как и в 1973 г., играют арабские страны – экспортеры нефти. Ныне, как и полвека назад, пересматриваются проблемы зависимости мировой экономики от природного сырья, а также проблема американского доллара. Иначе говоря, спустя полвека, кардинально усилив свой экономический и политический потенциал, неЗапад приступил к практическому решению задачи возрастания своей роли в мировой системе.

Литература / References

1. Боронов Р. Нефть и политика США на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Наука, 1977. 272 с. [R. Boronov. Oil and US policy in the Near and Middle East. Moscow: Nauka, 1977. 272 p.]
2. БСЭ. Т. 24-П. М.: Советская энциклопедия, 1977. 576 с. [GSE. Vol. 24-II. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1977. 576 p.]
3. Валькова Л. В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955–1977). М.: Наука, 1979. 224 с. [L. V. Valkova. Saudi Arabia in international relations (1955–1977). Moscow: Nauka, 1979. 224 p.]
4. Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М.: Восточная литература, 2010. 518 с. [A. M. Vasiliev. King Faisal: personality, era, faith. Moscow: Eastern literature, 2010. 518 p.]
5. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. М.: Libroком, 2010. 336 с. [L. E. Grinin, A. V. Korotaev. The global crisis in retrospect. Moscow: Librocom, 2010. 336 p.] ISBN978–5–397–00998–0
6. Ергин Е. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: DeNovo, 1999. 938 с. [D. Ergin. Extraction. World history of the struggle for oil, money and power. M.: DeNovo, 1999. 938 p.]
7. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: АСТ, 2018. 896 с. [G. Kissinger. Diplomacy. M.: AST, 2018. 896 p.]
8. Колпакиди А. Разведка и контрразведка. М.: Наше завтра, 2024. 336 с. [A. Kolpakidi. Intelligence and counterintelligence. Moscow: Nashe Zavtra, 2024. 336 p.]
9. Скороходова О. Эпоха великих потрясений: энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны. М.: АСТ, 2021. 352 с. [O. Skorokhodova. The era of great upheavals: the energy factor in the last decades of the Cold War. Moscow: AST, 2021. 352 p.]
10. Степанова Н. В. История Ирака. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. 663 с. [N. V. Stepanova. History of Iraq. XX century. Moscow: IOS RAS, 2016. 663 p.]
11. Тьюгендхат К., Гамильтон А. Нефть. Самый большой бизнес. М.: Прогресс, 1978. 485 с. [C. Tugendhat, A. Hamilton. Oil. The biggest business. Moscow: Progress, 1978. 485 p.]

12. Уолд Э. Р. SAUDI INC. М.: Альпина паблишер, 2019. 272 с. [E. R. Wald. SAUDI INC. Moscow: Alpina publisher, 2019. 272 p.].
13. Шевалье Ж.-М. Нефтяной кризис. М.: Прогресс, 1975. 248 с. [Chevalier J.-M. Oil crisis. Moscow: Progress, 1975. 248 p.].
14. Энгдаль У. Столетие войны. Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок. М.: Селадо, 2014. 408 с. [W. Engdahl. Centenary of the war. Anglo-American oil policy and the New World Order. Moscow: Selado, 2014. 408 p.]. ISBN978–5–906695–01–7
15. Энергетический кризис в капиталистическом мире. Отв. ред. Е. М. Примаков. М.: Мысль, 1975. 478 с. [Energy crisis in the capitalist world. Ed. by E. M. Primakov. Moscow: Mysl, 1975. 478 p.].
16. Яковлев А. И. Саудовская Аравия и Запад. М.: Наука, 1982. 206 с. [A. I. Yakovlev. Saudi Arabia and the West. Moscow: Nauka, 1982. 206 p.].
17. McFarland V. Oil powers: a history of the U.S.-Saudi alliance. N.Y.: Columbia University Press, 2020.
18. Zulkifil N., Haqem D. OPEC Oil shock Crisis (1973). An Analysis // Asian Journal of Research and Management. 2022. No. 4. Pp. 136–148. DOI:10.55057/ajrbm.2022.4.1.12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Яковлев Александр Иванович – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской Академии Наук, Москва, Россия

Yakovlev Alexander I. – DSc (Hist.), Professor, Leading Researcher at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 23.07.2024.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 06.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 23.07.2024.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 06.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.